

С.А. Барсукова
ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОВЕСТИ)

БАРСУКОВА Светлана Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Социология и управление персоналом» Пензенского государственного университета. E-mail: sveta_barsykova@inbox.ru

Процессы, идущие в современном мире под влиянием глобализации, влекут за собой распад устоявшейся и пришедшей из прошлого картины мира, изменяют структуру ценностей и нравственных ориентиров. В российском обществе, находящемся в состоянии затянувшихся экономических, политических и социальных кризисов и трансформаций, многие специалисты отмечают падение, размывание и частичную потерю приобретенной ранее духовно-нравственной культуры.

Непредвзятое, открытое различным гипотезам теоретико-эмпирическое изучение социальных представлений о нравственных категориях путем обращения к опыту, интуиции и толкованию их различными людьми, может привести к прояснению механизмов нравственных поступков. При этом необходимо учитывать сложность подобных исследований в силу того, что основными характеристиками данных представлений являются фрагментарность, неустойчивость и непостоянство.

В отечественной традиции исследование нравственных представлений обрело свою специфику, связанную с личностной направленностью, обращением к глубинным, архетипическим основаниям, концепцией субъекта и концепцией социального мышления (К.А. Абульханова, И.А. Джирдарьян и др.).

Постановка задачи исследования нравственных представлений позволяет рассмотреть проблему особенностей российского менталитета на нескольких взаимосвязанных уровнях.

По мнению К.А. Абульхановой, любой менталитет характеризуется совокупностью уровней: общественного (теоретического) сознания, представленного мировоззрением, идеями, целями, научными концепциями, понятиями и т.д.; общественного обыденного сознания, представленного научно-практическими, житейскими, социально-жизненными и другими представлениями, социальной психологией групп, общностей; коллективного сознания, представленного социально-политическими программами, нормами, символами, канонами, догмами и т.д.; коллективного бессознательного, представленного архетипами, мифами, символами (по К.Г. Юнгу), передающегося по наследству, присваиваемого общно; индивидуального сознания, представленного социально-психологическими типами сознания отдельных групп, слоев и т.д.; имплицитными концепциями и эксплицитными особенностями сознания отдельных личностей [1]. Эти уровни интегрируются по вертикали, т.е. они связаны с бытием, укладом жизни, социальной принадлежностью, нравами, традициями, обрядами и т.д., специфическими для каждого менталитета (выделяемого по

историческим, этническим и другим критериям образом). В конечном итоге особенности менталитета выражаются в представлениях о жизни и окружающем мире.

М.И. Воловикова, разрабатывая концепцию социальных представлений о нравственном идеале, включила определение: а) функции социальных представлений; б) их структурно-уровневую организацию; в) их сохранности-изменчивости; г) их связь с национальной, этнической, гендерной, религиозной идентичностью [2].

В структуре нравственных представлений можно выделить несколько уровней, на которых функционируют социальные представления – от рационального и осознанного до интуитивного, слабо осознанного, компенсирующего пробелы рационального знания в объяснении действительности. Задачей исследования нравственных представлений, следовательно, является выявление способов связей этих уровней, во-первых, и представлений об отдельных предметных, социальных областях действительности, во-вторых.

Традиционно в структуре социальных представлений выделяют ядро и периферию (Дж. Абрик). К ядру социальных представлений относят те признаки, которые выделяются кластерным анализом по тесноте наиболее выраженной корреляционной связи (Дж. Абрик, 1993; Т.П. Емельянова, М.А. Щавелева, 2005). Центральное ядро связано с коллективной памятью, оно определяет гомогенность группы и характеризуется устойчивостью. Периферическая система обеспечивает интеграцию индивидуального опыта каждого члена группы. Она подвижна, чувствительна к контексту, противоречива и адаптируется к конкретной реальности, предохраняет центральное ядро от внешних воздействий [3].

Известны исследования социальных представлений о справедливости, демократии, правах человека, о деньгах, нравственном идеале и т.д. (И. Маркова, 1996; Дуаз и соавт., В.Ф. Петренко, О.В. Митина, 1997; Т.П. Емельянова, 2002; Т.П. Емельянова, М.А. Щавелева, 2005; В.И. Воловикова, 2005; А.Н. Славская, 2004 и др.).

Актуальность изучения такого феномена, как совесть, определяется тем, что уже постановка данной проблемы затрагивает комплекс методологических и концептуальных вопросов, имеющих нравственно-духовную ценность.

В нашем исследовании приняли участие 875 респондентов различных социальных групп (школьники, студенты, педагоги, врачи, участковые системы МВД), проживающие в Пензе. Все представленные в исследовании группы были выравнены по количеству респондентов и гендерному составу.

При выборе метода исследования мы опирались на понимание того, что подобные феномены включают определенную сумму знаний об объекте представления, содержат эмоциональную оценку явлений, а также поведенческие проявления (С. Московичи, У. Вагнер, В. Дуаз и др.). Респондентам было предложено завершить предложения «Совесть – это...», «Жить по совести, значит...», «Я поступил по совести, когда...». Мы исходили из предположения о том, что в представлениях испытуемых совесть ассоциируется с определенными понятиями, которые подлежат дальнейшему упорядочению. Подобная последовательность заданий позволяет идти от более обобщенных стереотипных представлений, закрепленных в социальных группах, к более частному, индивидуально-значимому.

В качестве смысловых единиц, интересующих автора, выступили слова и их сочетания, которыми испытуемые охарактеризовали понятие «совесть» и смысл поступка «по совести». Обращалось внимание на степень полноты, с которой испытуемые описывали данные понятия. Под классификационными единицами понимались слова и

словосочетания, обозначающие определенное психологическое качество, свойство, состояние, процесс. Количественной характеристикой классификационных единиц выступила частота их упоминания испытуемыми. Собранный в ходе исследования материал показал, что суждения различаются по степени обобщенности. Некоторые суждения носят достаточно конкретный и однозначный характер, другие более абстрактны и многозначны.

К заполненным анкетам применялся, где это было возможно, микросемантический анализ, применение которого незаменимо именно на начальных этапах исследования таких малоизученных и сложных явлений, как совесть, и представлений о ней – при отсутствии готовых методик и стандартизированных методов обработки результатов. Микросемантический анализ позволяет выявлять некоторые процессуальные характеристики, указывающие на направленность размышлений испытуемого, а также на возможную противоречивость его отношения к объекту исследования.

Мы выявили, что социальные представления о совести в разных социальных группах имеют как общие особенности, так и свою специфику. Общими для всех групп были представления о том, что совесть связана с чувством правильного, справедливого, а также с оценкой своих поступков и саморегуляцией.

Чаще всего школьники связывают данное понятие с такими определениями, как честность, справедливость, либо отмечают чувство, окрашенное угрызениями, стыдом, виной. Если младшими школьниками в проявлениях совести акцент ставится на доброту, сопереживание, помощь и поддержку, то в ответах подростков более выражено звучит проблема саморегуляции и самосознания.

В группе студентов саморегуляция как функция совести уходит на второй план, а самым популярным ответом является понимание данного феномена как чувства правильного, внутреннего согласия с собой, проявления духовности. Связь совести с чувствами раскаяния, вины и стыда отмечена данной социальной группой в третью очередь.

В группе педагогических работников наиболее популярным ответом было мнение о том, что совесть есть проявление моральных требований общества, результат воспитания и чувство ответственности. Чувство долга, «внутренний ограничитель» названы работниками сферы МВД в качестве коррелянтов совести. Среди группы врачей на первое место по частоте встречаемости выходит определение, характеризующее совесть как честность перед собой и мир в душе. Именно в этой группе встречаются ответы, в которых респонденты отмечают, что им сложно следовать голосу совести на работе.

Таким образом, можно проследить возрастную специфику представлений о совести и их связь со спецификой профессиональной деятельности. Отношение к совести как к явлению, приносящему чувство тяжести, с возрастом уходит. В выборке лиц зрелого возраста чаще звучит тема взаимосвязи голоса совести с внутренней гармонией. Среди педагогов и работников МВД по сравнению с врачами более выражена социоцентрическая трактовка совести.

Литература:

- 1 Абульханова К.А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2002. С. 88–103.

- 2 Воловикова М. И. Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете: Дисс. ... д-ра психол. наук. — М., 2005.
- 3 Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. — М.: Изд-во Института психологии РАН», 2006.

Н.А. Боченкова
СИСТЕМА РЕГУЛЯТОРОВ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
И НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

БОЧЕНКОВА Наталья Александровна – аспирант кафедры социология управления ГУУ, старший специалист управления организации исследований ВЦИОМ. E-mail: bwciom@yandex.ru

Социальное настроение выполняет функции индикатора латентного общественного мнения о должном (социально одобряемом) массовом поведении. С позиции социологии управления обосновывается необходимостью целенаправленного управленческого воздействия на процессы формирования позитивного социального настроения населения как условие легитимности власти и направления массового социального поведения на достижение общественно значимых целей. В связи с этим возникает необходимость в рассмотрении методов и способов воздействия на социальное поведение населения посредством идеологических управленческих воздействий.

Систему регуляторов социального поведения можно закрепить в рамках институциональных параметров и уже затем рассматривать его через призму трех институтов (социокультурного, социально-экономического и политического).

Индивид постоянно включен в сложную систему общественных отношений. Все виды этих отношений (нравственные, производственные, политические, правовые, идеологические, религиозные) определяют объективные, реальные, зависимые и должные отношения людей и групп в обществе. А для осуществления этих отношении существуют многообразные виды регуляторов. Можно дать широкий перечень социальных явлений, где регуляторы социального поведения играют значительную роль.

В социокультурной среде поведение личности чаще регулируют этика, мораль, культура, менталитет, архетип, субкультура, идеал, ценности, идеология, образование, средства массовой информации, религия, мировоззрение. В сфере политики этими регуляторами являются бюрократия, власть, социальные движения, в сфере правовых отношений – закон, право.

В социологии управления под более узким комплексом внешних регуляторов подразумеваются социально-психологические явления: групповые явления, малые и большие социальные группы.

Социальные нормы являются одной из универсальных форм выражения социальных факторов, которые регулируют социальное поведение, так как социальные нормы представляют руководящее начало, образец, правила, которые приняты в данной общности, стандарты поведения, регламентирующие отношения индивидов и групп в социуме. Социальные нормы имеют различия по своему содержанию, форме санкционирования, сферам действия, социально-психологическим механизмам действия, механизмам распространения.

Изменение коллективного поведения, массового сознания и социального взаимодействия населения и власти может протекать незаметно, совершенно латентно, в свою очередь спонтанное изменение активности власти и населения, а также резкое изменение характера социального поведения и взаимодействия, хотя и вполне очевидны, а сам факт изменений бесспорен, объясняются и оцениваются неоднозначно. В связи с

вышесказанным феноменологический и логико-философский анализ изменения социального поведения и взаимодействия населения и массового сознания, прогнозирование и анализ социокультурных трансформаций социума нуждаются в разработке шкалы оценки динамики изменения общества и человека. Таким образом, необходимы логико-математические модели, адекватные свойствам-признакам общества и человека, которые к тому же позволяют определять количественные оценки (длительность и разнообразие) изменения социального поведения, взаимодействия и массового сознания, направление социокультурных трансформаций и порядок изменений доминант социально-политических, социально-психологических, социокультурных и социально-экономических изменений.

Одним из возможных вариантов измерения доминантных изменений в рамках вышеупомянутых институтов может послужить логико-математическая модель, основанная на законе смены парциальных поколений в процессе различных социальных трансформаций общества.

В процессе моделирования динамики самоизменения уровня активности власти и населения в конкретном процессе социокультурных трансформаций общества были приняты следующие допущения:

- 1 Общество — это открытая социокультурная система, замкнутая в организационном отношении. Такая система подчинена закону сохранения организации: она сохраняет максимально возможное разнообразие ее типов.
- 2 Общество — это форма организации социально активных субъектов (социальных групп и индивидов). Признаки-свойства общества определяются социокультурными и психофизическими характеристиками и функциями парциального поколения.
- 3 В контексте самоизменения, самовозбуждения, саморегуляции, самообучения, самоорганизации, а также самовоспроизводства общества количественные параметры данных процессов взаимной адаптации социально активных ее субъектов определяют изменчивость, период метаболизма, уровень активности носителя и источника власти (т.е. власти и общества в целом).
- 4 Процесс динамики самоизменения социальной активности общества обосновывается как отражение квазистационарного пространства социальных доминант массового поведения и сознания, а также социального взаимодействия на пространство потенциальных субъектов активности социума посредством подробного открытия данных пространств в определенном отрезке времени.
- 5 Энтропия общества в качестве полноценной социокультурной системы тесно связана с энергией социально активных субъектов, а также прямо пропорциональна уровню их социальной активности.

Динамика социокультурных трансформаций определяется временем структуры, которая образуется в процессе развертки квазистационарных пространств социокультурных детерминант коллективного поведения, массового сознания и социального взаимодействия.

С позиции государственного управления регуляторами социального поведения населения могут выступать как открытые политические действия, так и латентные

управленческие решения. Примерами таких открытых действий служат различные социальные законы.

В социологии управления социокультурный аспект играет важнейшую роль в регуляции общественного сознания на всех этапах его активного существования и взаимодействия. Культура по своей сути не только многоаспектна, но и многофункциональна. Одна из важнейших ее функций регулятивная, она в первую очередь определяет поведение всего общества.

Существуют значительные межличностные и межкультурные различия в степени индивидуализации поведения социума, а также соотношение активных и реактивных составляющих его компонентов. Примером таких воздействий на общество может служить культурная политика. Она представляет направление политики государства, связанное с планированием, проектированием, реализацией и обеспечением культурной жизни государства и общества. Политическая культура есть совокупность позиций, ценностей и кодекса поведения, касающегося взаимных отношений между властью и гражданами.

В современном российском обществе важнейшая роль в развитии социокультурного регулятора управления массовым поведением принадлежит государству, которое призвано внести значительный вклад и в развитие самой культуры, но из-за стихийности культурных элементов в обществе зачастую возникает вопрос о необходимости управлять институтами, формирующими культуру и ее социальный продукт.

Социально-экономическая сфера общества является целостной подсистемой, ответственной за распределение, обмен, производство и потребление материальных услуг и благ, обеспечивающих жизнедеятельность людей. Образуется социально-экономический институт в обществе с множеством частных относительно нее подсистем уже со своей определенной сложностью. Смысл состоит в социально-управленческом потенциале в первую очередь государства в построении комплексной системы регуляции экономических отношений различных слоев общества, а также контроле кооперативов, индивидуальных секторов производства, деятельности совместных, фермерских, акционерных, арендных предприятий.

В первую очередь вопрос должен стоять о целенаправленном управленческом воздействии на экономические процессы формирования позитивного социального настроения среди всего населения, что в свою очередь будет подтверждать легитимность власти и направление социального поведения на достижение позитивных значимых целей для всего социума.

Социальная сфера не образует целостной подсистемы и потому не может рассматриваться на равных с экономической, политической и культурной сферами. Ее отношение с этими сферами все-таки иное. Социальные отношения и поведение населения присутствует во всех видах отношений (политические, экономические, духовные), но не лишают и не исчерпывают их особенностей.

В свою очередь социальные отношения как элемент социального поведения населения в большей мере зависят от отношений экономических, но они все же влияют на развитие и функционирование экономической сферы, изменения в характере функционирования экономики под непосредственным влиянием целенаправленных активных межгрупповых взаимодействий.

Управление экономикой страны, а следовательно, и всей сферой в целом подразумевает регуляцию положением в системе производственных отношений, социальных, культурных, а также всех других общественно значимых систем. С позиции

социологии управления развитие всех экономических сфер зачастую подразумевает и развитие всех видов социальных отношений, что, как следствие, значительно влияет на трансформацию социального настроения населения. Изучение закономерности развития экономических отношений с подобных позиций может означать исследование социального механизма данного процесса в обществе и те волнения, которые будут опосредованы им.

Латентные регуляторы социального поведения населения представляют ту картину мира, которая существует в сознании людей. Это те методы воздействия на сознание общества, которые латентно пытается использовать государство. Но чем более замкнуто общество, тем оно менее способно критично воспринимать социально-политическую, культурную, экономическую действительность и тем более оно консервативно по своей сути.

Е.П. Галкина, М.И. Кадничанская
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ГАЛКИНА Елена Петровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета. E-mail: puh2000@mail.ru

КАДНИЧАНСКАЯ Марина Ивановна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета. E-mail: m-i-kad@yandex.ru

Кардинальные перемены в политической, экономической, правовой и других сферах нашего общества, породившие множество острейших проблем, затронули все слои российского государства. В результате глубокого общественного кризиса произошло стремительное усиление социальной поляризации различных групп населения. Большинство российской интеллигенции не может прожить на свою зарплату и вынуждено искать дополнительные источники дохода. В ведущих индустриальных странах с развитой экономикой интеллектуалы составляют уважаемую часть общества. Речь идет не только об их высоком социальном статусе, но и об уровне доходов. Например, в США и Японии средний размер заработной платы в науке в 2 раза выше, чем в отраслях народного хозяйства [1].

В то же время в ходе рыночных реформ очень богатые стали богатыми по мировым критериям со стандартами потребления развитых стран. Вот портрет среднестатистического российского миллиардера. Ему примерно за сорок. Свое состояние он сделал сам за последние 14 лет. Женат, часто во второй раз. У него двое детей, которые еще ходят в школу. Он живет в Москве, в центре города, в двух- или трехэтажном пентхаусе с индивидуальным дизайном. Имеет дом на Рублевке. Шесть автомобилей для передвижения. Есть заграничные резиденции: виллы на Лазурном Берегу или на Сардинии, острова в Хорватии, дома в Швейцарии, шале в Альпах, квартиры в Лондоне, Париже, Монте-Карло, Нью-Йорке. Имеют свой частный самолет и яхту. У 18 резидентов из 100 богатейших людей России основу состояния составляют нефть и газ, 13 участников представлены в Федеральном собрании РФ [2].

Любая социальная система – это форма организованного неравенства. Она предусматривает разные возможности для реализации мотивов индивидов в зависимости от их личностных и приписанных социальных характеристик, определяющих характер их социального функционирования.

Социальная система предъявляет к структуре личности и социальным характеристикам индивидов определенный набор требований, соответствие которым необходимо для занятия определенного места в иерархии и на социальном поле [3]. Во время реформ одним из таких требований стал возрастной показатель.

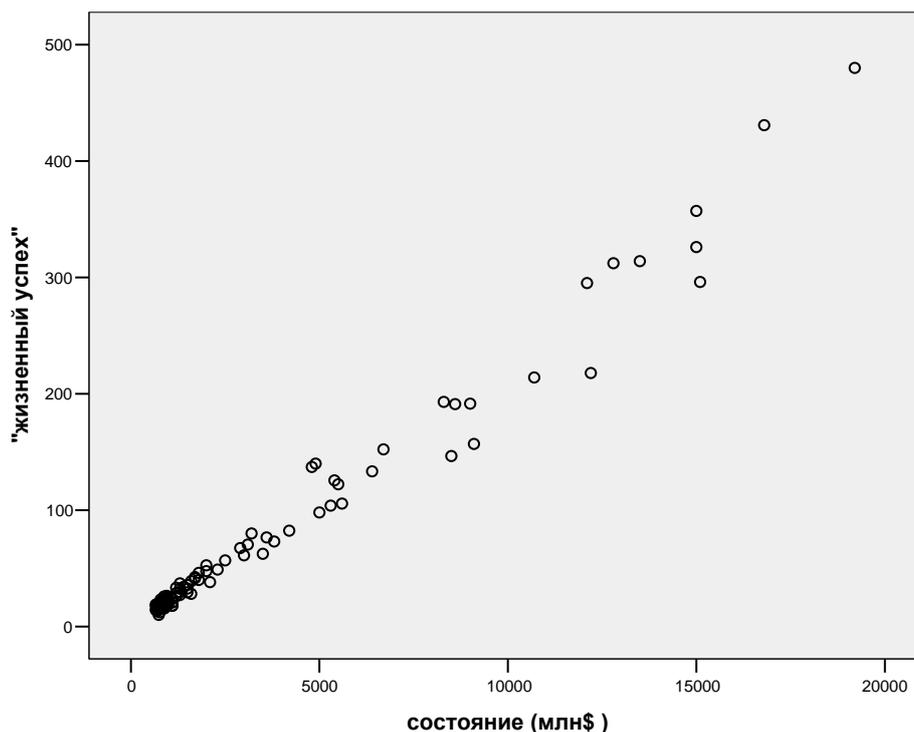

Рисунок 1 — Зависимость коэффициента «жизненного успеха» от состояния индивида (для самых богатых людей России)

Влияние возраста индивидов на их социальную траекторию основано на естественных преимуществах и слабостях, которые дают индивиду его физиологический возраст и социальный опыт. Это особо актуально в кризисные периоды развития, когда возникают дополнительные возможности для повышения социального статуса.

Оперируя возрастом и состоянием индивида можно подсчитать коэффициент материальной составляющей его «жизненного успеха». Для групп индивидов примерно одного возраста этот коэффициент пропорционален их состоянию, а для людей с одинаковым состоянием первенство нужно отдать более молодым. На рисунке 1 отражены значения коэффициента «жизненного успеха» для самых богатых людей России в 2012 г. Отметим, что он существенно отличается для самого пожилого (равен 10) и самого молодого (равен 23), для самого богатого (равен 480) и последнего в списке самых богатых (равен 14) (см. рис. 2).

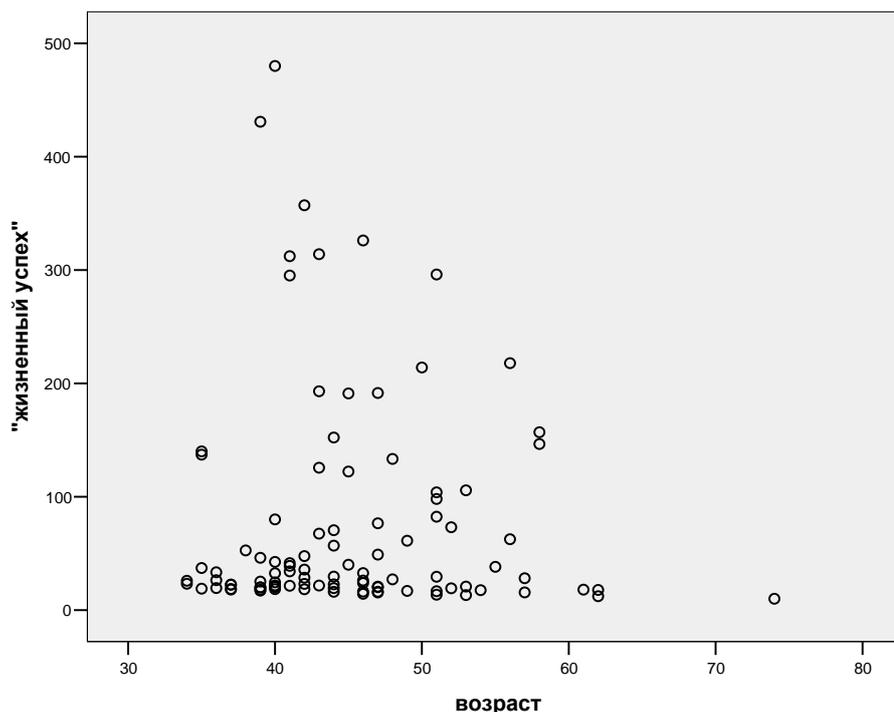

Рисунок 2 — Зависимость коэффициента «жизненного успеха» от возраста индивида (для самых богатых людей России)

Таким образом, коэффициент «жизненного успеха» можно использовать для более тонкой дифференциации индивидов по их материальному состоянию. Для человека вступающего в социальную жизнь (16–20 лет) этот коэффициент увеличивается за счет приобретения социального опыта и профессиональных навыков. Затем индивид вступает в пору максимума социальных и профессиональных возможностей. Этот период продолжается с 30–35 до 55–65 лет (см. рис. 2). Далее интеллектуальные и физические возможности индивида уменьшаются, и коэффициент объективно снижается. При отнесении человека к той или иной группе по материальному состоянию нужно учитывать также социальные возможности его жизненного цикла.

Поляризация бедности и богатства, превращение бедности в норму жизни значительной части наших сограждан — вот наиболее острые проявления проблемы социального неравенства.

Литература:

- 1 Наумова Т. Расколотая интеллигенция // Свободная мысль–XXI. 2001. № 12. С. 23–33.
- 2 Forbes. 2012. № 4.
- 3 Эйджман И. Прорыв в будущее: Социология Интернет-революции. — М.: ОГИ, 2007. С. 138.

И.П. Гегедивш

ДОВЕРИЕ КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ГЕГЕДИВШ Ирина Петровна — ассистент кафедры гуманитарных дисциплин филиала Тюменского государственного нефтегазового университета в г. Тобольске. E-mail: albumine1@rambler.ru

Становление и поддержание социального доверия к власти является актуальной проблемой современной России, поскольку уровень социального согласия во многом определяет динамику развития политически благополучной ситуации в стране, ее целостности и общественного спокойствия.

Российское общество, пережившее период кардинального изменения общественного строя, отличается неустойчивостью, нестабильностью во всех основных областях социальной жизни. Период современных преобразований в России характеризуется проблемным развитием всех сфер социальной жизни, высоким уровнем социальной напряженности и конфликтогенности. Доверие к власти в такой сложной ситуации является глубинной основой повышения социальной сплоченности и снижения уровня напряженности в государстве. В условиях становления новой системы ценностей и поиска новой идеологии требуется теоретическое осмысление основ социального доверия как на межличностном, так и на институциональном уровне.

Социальное доверие играет важную роль в развитии и демократизации институциональной среды. Особенно значительной его роль становится на переходных этапах, когда старая институциональная система ликвидируется или подвергается серьезным изменениям, а новая еще не успевает сложиться и получить ресурс легитимности. Подобная ситуация сложилась и в постсоветской России. Смена режимов повлекла за собой не только коренную реорганизацию формальной институциональной системы, но и трансформацию повседневных человеческих практик. Конституцией и другими законодательными актами гражданам были гарантированы права и возможности, но в то же время на них были возложены и различные обязанности, связанные, например, с уплатой налогов или службой в российской армии, выполнение которых контролируется аппаратом принуждения. По нашему мнению, большое влияние на поддержание и реализацию институциональных изменений, доведение их до логического завершения, на совмещение неформальных практик с предусмотренными законодательно оказывает доверие незнакомым окружающим (согражданам) и доверие формально организованным структурам.

Вообще проблема доверия к институтам власти очень актуальна в настоящее время и имеет как глобальное, так и региональное значение. Если уровень доверия населения к определенному институту достаточно низок, то и эффективность его деятельности также резко может снизиться, так как осуществляемые этим органом действия не найдут достойной поддержки среди населения. Следствием этого недоверия могут выступить деструктивные процессы в обществе, которые могут быть связаны с неисполнением принимаемых законов, а также с конфликтами между институтами власти и общественными организациями, отказом определенной части населения от участия в выборах. Все эти процессы могут привести к росту социальной напряженности и аномии.

В принципе достаточно трудно утверждать, какой уровень доверия оптимален для существования здорового гражданского общества, но вполне реально предсказать те опасности, порождаемые низким уровнем доверия, и согласиться с необходимостью укреплять доверие.

Студенческая молодежь 18–22 лет представляет особый интерес для исследования ценностных предпочтений, выявления уровня доверия к институтам власти и отношения данной возрастной категории к политической системе российского государства. Социально-политическая роль молодежи имеет большое значение, так как сегодня молодые люди составляют в России 23% электората, а через 15–20 лет эта возрастная группа будет определять не только облик страны в целом, но и характер отдельных социальных, политических и экономических институтов.

В эмпирическом пилотажном исследовании, проведенном в ноябре 2011 г. в вузах Тобольска приняли участие представители студенческой молодежи. Тип выборки – целевой, форма – выбор типичных представителей. Студенты опрашивались в учебных аудиториях. Общая выборка исследуемого контингента составила 300 человек. Возраст респондентов варьировался от 18 до 22 лет. Структура выборки представлена в таблице 1.

Таблица 1 Структура выборки по учебным заведениям

Характеристики		Учебное заведение	Филиал ТюмГНГУ в г. Тобольске	Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева
Пол	Муж		114	40
	Жен		57	89
Место жительства	Село, деревня		34	38
	Город		137	91
Национальность	Тат.		35	44
	Рус.		132	77
	Другая		4	8
Итого			171	129

В ходе проведенного исследования было выявлено, что наиболее высокий уровень доверия молодежи к суду и губернатору, наименьшим доверием пользуются региональные отделения политических партий и СМИ.

Респонденты проявляют не слишком большой интерес к политике, что вполне предсказуемо, с учетом низкого уровня политизированности российского общества вообще. 12,37% ответили, что совсем не интересуются политикой, 49,5%, что не очень ей интересуются, 25% – скорее интересуются, чем нет, 10,36% – очень интересуются, 2,67% затруднились ответить. Особенно важно, что 22,7% обсуждают политику лишь в рамках семьи, т.е. политические дискуссии у этих студентов замыкаются в рамках довольно узкого круга родственников. И несмотря на то что лишь у 20,6% респондентов политические взгляды находят поддержку в семье, 64,7% из них заявляют, что часто или полностью соглашаются со своими близкими родственниками в политических дискуссиях и только 23,5% делают это редко или никогда. Таким образом, видно, что семья все еще имеет

большое воздействие на респондентов, которые зачастую являются уже сформированными личностями.

Опрошенные студенты, склонные доверять незнакомым окружающим, более либерально настроены относительно социальных, политических и экономических процессов в современной России. Они оказались и более оптимистичными относительно будущего страны и своих личных перспектив. Доверяющие респонденты являются убежденными сторонниками невмешательства государства в экономику, большими эгалитаристами, считают, что люди сами должны нести ответственность за то, чтобы себя обеспечить.

Наибольшей популярностью у студентов пользуется институционализируемая религия. Церкви или мечети полностью доверяет чуть ли не половина опрошенных респондентов. Причины очевидны, поскольку именно этот институт олицетворяет собой незыблемые ценности честности, верности и справедливости, которые, пожалуй, и должны пользоваться поддержкой у «типичного» индивида. На втором месте находится Президент, что тоже достаточно предсказуемо. Впрочем, здесь важно оговориться и упомянуть о почти полностью персонифицированном восприятии этого института респондентами, поэтому доверие выражалось, скорее, не абстрактному институту президентства, а вполне конкретному лицу.

Н.А. Гоголин

СВЕТСКОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ПОЛИФОНИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ГОГОЛИН Николай Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и практики управления филиала г. Перми РАНХ и ГС, E-mail: gogolin57@mail.ru

Современное российское общество характеризуется значительной степенью конфликтности интересов и социальной напряженности, которые катализируют не столько высокая гетерогенность общественного сознания во всех ее измерениях (политическое, религиозное, культурное, социальное, экономическое и др.), сколько общественные стереотипы о необходимости доминирования одних идеологем посредством подавления других. Об этом в последнее время свидетельствует большое количество инцидентов общественной жизни, которые имеют одно и те же основание — стремление оценивать других и агрессивно воздействовать на них исходя из своих мировоззренческих представлений.

В политическом измерении российской действительности обнаруживаются либеральная, демократическая, коммунистическая, социалистическая, монархическая, националистическая и другие мировоззренческие системы.

В научном измерении социального пространства можно выделить естественнонаучную, гуманитарную, социально-экономическую, научно-богословскую основы мировоззренческих систем.

В религиозном измерении социума мировоззренческие системы образуют православное, католическое, протестантское, исламское, иудаистское, буддистское и другие вероисповедания. Здесь же полагаем возможным назвать атеистическое, агностическое и безрелигиозное мировоззрения, так как они непосредственно связаны с духовной сферой социальной жизни.

При таком мировоззренческом многообразии и различии их структур существуют корреляционные связи, определяющие целостность и целесообразность отечественной социальной системы.

Ценность свободы выбора человека, неприемлемость тотального контроля над поведением человека и авторитаризма сближают либерализм, демократизм и многие религиозные вероисповедания как мировоззренческие системы. Приоритеты индивидуализма и успешности каждой личности единят либерализм и протестантизм. Коллективизм, соборность и выборность сближают такие мировоззренческие системы, как социализм, демократизм и православное вероисповедание.

Социальная справедливость в обществе — ведущий приоритет коммунистического, социалистического мировоззрений и многих вероисповеданий.

Крепкое государство, любовь к своему отечеству как ценности образуют общее ценностное пространство коммунистической, социалистической, монархической, националистической идеологий и практически всех традиционных для России религий. Нравственные ценности в жизни человека единят практически все религиозные вероисповедания.

При этом каждая из мировоззренческих систем имеет незыблемые ценности (догматы), которые определяют их смыслообразующую уникальность для человека, открываемые ему источниками (Священное Писание, Ветхий и Новый Заветы, Коран, Всеобщая Декларация прав человека, Конституция РФ и др.) и обозначаются общезначимыми для различных идеологий и вероисповеданий символами (серп и молот, звезда, полумесяц, крест). Либеральное мировоззрение не может поступиться ценностями свободы, иначе оно перестанет быть либеральным. Точно также не может быть компромисса для коммунистического мировоззрения между материалистическими или идеалистическими убеждениями. Православие принимает с любовью всякого заблудшего и покаявшегося грешника и выступает воинствующей силой в отношении греха, принимает со смирением любые невзгоды и выступает непримиримой силой в защиту своей веры (своих догматов).

Сегодня мы становимся свидетелями того, как в социальном пространстве возникает множество конфликтов, основу которых составляют воздействие одних мировоззренческих субъектов на фундаментальные основы других мировоззренческих систем. Печально, что подобные инциденты становятся общим местом для политического противостояния.

Гражданское согласие становится вопросом жизни и смерти: необходимо найти принципы, гарантирующие обществу прочный внутренний мир, а не временное затишье перед очередным потрясением. Возникает потребность в таких правилах функционирования публичного пространства, которые бы никак не соотносились с мировоззренческими различиями или хотя бы не вызвали раздражения у противоборствующих сторон.

Мировоззренческая унификация в современных условиях глобализации и расширения информационных и коммуникативных технологий невозможна. Мировоззренческое многообразие, определяемое смысложизненными перспективами, может стать не предметом борьбы и подавления одних другими, а предметом личного, свободного выбора людей и следования своим убеждениям.

Это мировоззренческое многообразие может лишь обогатить общественную жизнь при условии неприкасаемости одних мировоззренческих систем другими, как обогащается музыкальное исполнение, когда каждый голос производит присущее его природе звучание, а не принуждает к тому, чтобы все звучало одинаково и непременно как он. Такое музыкальное многообразие и создает полифонию звучания. Именно образ мировоззренческой полифонии задает необходимую модель общественной жизни. При этом партитурой полифонии современного российского общества является действующая Конституция Российской Федерации, которая определяет идеологическое многообразие: никакая идеология и никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, признается политическое многообразие, многопартийность [1, с. 8].

Речь идет о принципе светскости государства, определяющим «независимость государства и религиозных объединений, равно как и объединений, деятельность которых направлена на распространение идеологии, в соответствующих сферах их компетенции» [2, с. 9]; «правовые нормы, гарантирующие свободу совести и право на культурное развитие в рамках своей национальной культуры, гарантирующие религиозное, идеологическое и политическое многообразие, запрещающие дискриминацию по признаку отношений к религиозным убеждениям» [2, с. 9].

Принцип светскости был впервые провозглашен в статье 10 Декларации прав человека и гражданина (1789 г.), в которой речь идет о том, что никто не может быть преследуем за свои убеждения, даже религиозные, при условии, что их обнародование не угрожает общественному порядку.

Именно принцип светскости в государственном регулировании общественных отношений позволяет обеспечить эту полифонию, т.е. модель взаимной неприкасаемости мировоззренческого пространства во всем многообразии идеологических и религиозных систем, которые не противоречат общечеловеческим ценностям, в том числе свободе выбора человека. Правовой формат светского государства призван пресекать вторжение в мировоззренческое пространство, надругательство над ценностями и символами той или иной идеологии, того или иного вероисповедания.

Может показаться, что такая мировоззренческая неприкосновенность изолирует одни группы интересов от других, что в реальности не может способствовать развитию социальных систем. Однако по существу никаких угроз закрытости различных социальных подсистем при полифонической модели общественных отношений современного российского общества не существует. Полифоническая модель общественных отношений не исключает, а, наоборот, предполагает ведение эффективного дискурса относительно максимальной гармонизации различных социальных групп, мировоззренческой общественности и общества в целом. При этом сферой продуктивной конкуренции различных мировоззренческих смыслов являются экономические достижения, научно-производственная деятельность, социальное служение (благотворительность), законопослушность граждан, здоровый образ жизни, прочные семейные отношения и другие конкретные показатели и характеристики, объективно свидетельствующие об уровне развития общества.

В мировоззренческом многообразии в условиях полифонической модели общественных отношений при безусловной реализации всеми ветвями власти принципа светскости государства в их регулировании состоит необходимое условие раскрытия гармонии современного российского общества и перспектив его развития.

Литература:

- 1 Конституция Российской Федерации. Официальное издание. — М.: Юридическая литература, 2011. — 64 с.
- 2 Понкин И.В. Светскость государства. — М.: Изд-во Учебно-научного центра довузовского образования, 2004. — 466 с.

Е.В. Ковалевская
ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ

*КОВАЛЕВСКАЯ Елена Викторовна — доцент кафедры социологии и психологии МЭСИ.
E-mail: evkyand@yandex.ru*

Роль знаний в экономической деятельности. Знание есть результат отражения объективной реальности в голове человека. Знание включает абсолютную истину, т.е. знание, подтвержденное практикой; не проверенные пока гипотезы — часть из них будет подтверждена, часть опровергнута; заблуждение, намеренное (например, с целью манипулирования сознанием людей) или ненамеренное. Знание выступает как набор ценностей, опытов, информации, идей и др., оно создает ментальную структуру общества для оценки, интерпретации, интегрирования, инкорпорирования и использования нового опыта, идей и информации.

Становление экономики знаний возможно лишь при условии стремления основных слоев общества создать такую экономику. Знания имеют ряд свойств, которые отличают их от других товаров: знания можно много раз потреблять, они быстро обновляются, становятся основой появления нового знания, вместе с тем некоторые знания быстро устаревают. Товаром, т.е. предметом рыночного спроса в чистом, а чаще всего в материализованном виде, становится, как правило, новое знание, которое, будучи применено в производстве нового товара или услуги, обеспечивает их улучшенные характеристики и создает новую стоимость. Однако в сфере образовательных услуг любое знание может быть новым (даже таблица умножения). Еще одна особенность знания — чтобы знание можно было использовать, необходимо превратить его в новшество, сделать так, чтобы появилась инновация.

Роль инноваций в экономике знаний. Исторический опыт свидетельствует о том, что инновации не возникают спонтанно, они появляются в результате целенаправленного действия большого количества людей в условиях благоприятной среды. Экономика знаний — это экономика, постоянно генерирующая инновации, обеспечивающая непрерывный процесс производства нового знания и превращения его в новые товары и услуги. При этом надо иметь в виду соотношение фундаментального знания и знания, которое востребовано в технике, технологии, производстве.

В недрах зрелого индустриального общества давно появились и быстро нарастали признаки перемен, некоторые очертания того общества, которое в ожидании проявления его главных черт называли постиндустриальным. Характеристика этого нового общества как постиндустриального могла быть лишь временной, поскольку, с одной стороны, имелись достаточные свидетельства того, что оно отличается от общества индустриальной эры, а с другой — не сразу проявились его основные содержательные характеристики. Сначала возникло представление о постиндустриальном обществе как обществе информационном, однако сегодня стало ясно, что не информация является таким определяющим признаком, что информация — всего лишь форма существования знания. Информация — знание, приобретающее сигнальную форму. Общество постиндустриального развития — это общество, в котором главным фактором и ресурсом развития выступают знания, в котором производство, обмен, распространение и использование знаний выступают основой

материального и духовного развития. Более короткое его определение — это общество знания.

В связи с тем, что общая концепция общества знания разработана пока еще недостаточно глубоко, возникают вопросы прикладных исследований в этой сфере. Прежде всего нет единодушного понимания категории «знания», зато есть трудности с измерением знаний как индивидуальных, так и тех знаний, которыми располагает фирма, или отрасль общественного производства. Есть также трудности в оценке возможной прибыли от реализации новых знаний, в оценке цены знания, полученного впервые. Даже бухгалтеры затрудняются в оценке нематериальных активов, гудвилла, деловой репутации и др. (Гудвилл — дополнительный доход, источник которого — репутация. Данное определение можно развернуть до факторов формирования и способов оценки этой репутации и генерируемого ей дохода. — *Е.К.*) Измерять знания, с одной стороны, необходимо для выявления его сущности и содержания, с другой стороны, речь должна идти о денежной оценке знаний и затратах на их внедрение и выручке при их реализации.

Нами проведено прикладное социологическое исследование, посвященное отношению к инновациям в трудовых коллективах. Инструментом измерения выступала анкета (вопросник). Для того чтобы наиболее полно раскрыть и отношение, и понимание инновации, была проведена декомпозиция этих и других категорий, что нашло отражение в вопросах и ответах анкеты. Была также разработана система показателей для сжатия, агрегации ответов. Прежде всего мы отказались от подсчета среднего балла и для индивидов, и для производственных коллективов. Подсчет непараметрических коэффициентов корреляции Спирмена и Кендалла показал, что теоретический анализ факторов, влияющих на отношение респондентов к инновациям, подтвержден результатами прикладного исследования.

Были выявлены факторы, влияющие на субъективное восприятие инноваций. Процесс этот противоречив. Например, достаточно многие респонденты не проявляют интереса к инновациям, полагая, что зарплата не повысится и карьера не станет более успешной, сколько бы инноваций они не внедрились. И в то же время многие респонденты успешно участвуют в использовании компьютеров, в производственных процессах и менеджменте.

С.С. Комкова

РЕКРУТИРОВАНИЕ ЭЛИТ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

КОМКОВА Светлана Сергеевна — помощник генерального директора АНО «Институт общественного проектирования», аспирантка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: svetlana.komkova@gmail.com

Политическая элита — то меньшинство нашего общества, которое обладает достаточной квалификацией, опытом, знаниями и управляет большинством. Следует отметить, что управление — это сложный процесс, который требует определенных личностных качеств и компетенций.

Вопрос о рекрутировании элит изучался со времен Конфуция и Платона. Они понимали основную проблему закрытой системы управления государством, поскольку элитарность передавалась по праву рождения. Тем не менее они предлагали проводить отбор внутри самих элит. В учении Конфуция отмечено, что для разрешения недостатков закрытой системы управления нужно ввести систему сдачи экзаменов на право занятия государственной должности. Платон же считал, что элита должна обучаться и представлять меньшинство, основанное на компетенции и высокой морали. Но Платон делал оговорку, что между происхождением и принадлежностью человека к определенному классу нет прямой зависимости. Таким образом, никто не может гарантировать от граждан высшего класса рождение детей только с высшими нравственными задатками. Соответственно, от граждан низшего класса могут родиться люди с высокими душами.

В настоящее время вопрос взращивания новых элит и отсеивание старых, изживших себя, довольно актуален, поскольку механизм обновления до конца не отлажен. Таким образом, существует необходимость введения механизмов формирования подготовленной правящей элиты, носящей открытый характер и служащей обществу [1]. В первую очередь следует сформулировать ценностные подходы и понять механизм определения нравственной сформированности, надежности и ответственности представителя политической элиты. Ранняя модель определения качества представителя политической элиты, обладающего определенными знаниями, опытом и квалификациями не отражает всех аспектов и требует более детального изучения: введения работающей профессиональной культуры, которая включала бы политическую, управленческую и нравственную культуру.

При разработке требований к политической элите необходимо подробно рассматривать механизмы рекрутирования элит в современном российском обществе. Следует отметить, что система рекрутирования выступает как основной (но не единственный) механизм воспроизводства элит.

Основные мотивы при рекрутировании элит были описаны в свое время М. Вебером. Во-первых, это выдвижение лиц своего круга, способствуя однородности и сплоченности руководящей группы. Во-вторых, личностное отношение: симпатии или антипатии к определенной персоне или кругу лиц. В-третьих, следование определенному поведению и мировоззрению. В-четвертых, доказанные способности кандидата выполнять определенные функции. В наше время существенных изменений не произошло, но существует необходимость в разработке концепции, учитывающей нравственную культуру.

Нельзя не отметить и то, что механизмы воспроизводства связаны прежде всего с социальным воспроизводством членов элит. Строго говоря, социальная принадлежность во много определяется принадлежностью к элите, поскольку вхождение в элиту обычно означает приобретение нового социального и профессионального статуса и утрату старого [2].

Следовательно, для формирования современной политической элиты необходима новая закрепленная законодательством кадровая политика, которая бы учла все необходимые критерии в отборе элитных политических слоев.

Литература:

- 1 Самсонова Я. Концепция «правлящего класса» Г. Моски // Социологические исследования. 1994. № 10.
- 2 Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М. Основы политической элитологии. — ОАО «Дониздат», 2012.

И.В. Лашук

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ В КОНКРЕТНОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

ЛАШУК Ирина Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания Института журналистики БГУ, заведующая сектором культурных инноваций Института социологии НАН Беларуси. E-mail: lashuki@tut.by; lashuki74@gmail.com

При концептуализации понятия «стратегия поведения» мы исходили из трех основных методологических посылок:

- 1 Мы берем в основу веберовское представление о социальном действии и его осмысленности действующим субъектом, с одной стороны, с другой — используем метод построения идеальных типов стратегий поведения, отражающих не объективную реальность, а основные тенденции социума, в котором живут и действуют осмысливающие субъекты.
- 2 Мы концептуализируем социальное пространство в терминах П. Бурдьё, предполагая, что оно состоит из различных полей, причем в каждом из них играют свои козыри в форме капиталов. Капиталы могут выступать в объективированной и инкорпорированной формах.
- 3 Вслед за феноменологами мы предполагаем, что люди взаимодействуют в конкретных именно для них жизненных ситуациях, в которых они и делают свой осмысленный выбор.

В таком случае предметом социологического анализа являются «чистые» (идеальные) типы стратегий поведения эпистемических индивидов, имеющих различные капиталы и делающих свой осознанный выбор в конкретных жизненных ситуациях.

Однако до сих пор речь шла о социальных стратегиях поведения, являющихся своего рода индикатором общества, в котором живет и действует осмысленный агент. Однако остается вопрос, как же найти маркер культуры этого социума. В связи с этим возникает необходимость развести или соотнести понятия «общество» и «культура», «социальное» и «культурное». В данной работе социокультурное мы трактуем как, с одной стороны архив норм, ценностей, идей, представлений и т.п. (культура), с другой — сферу реализации этих норм, ценностей, представлений в социальных практиках (социальное). Социокультурное пространство, обладая характеристиками и культуры, и социальности, представляет актуализированный (т.е. задействованный, вовлеченный в социальное воспроизводство) архив культуры. В таком случае видимые для социолога социокультурные стратегии поведения, которые являются устойчивыми закрепленными моделями поведения, где проявляются и реализуются нормы, ценности, представления, и выступают своего рода маркерами современной культуры.

В реальном социологическом исследовании речь идет об изучении ценностей, которые реализуются в реальных повседневных практиках посредством выработки устойчивых повторяющихся стратегий поведения. В рамках социологического исследования, проведенного сектором культурных инноваций Института социологии НАН

Беларуси весной 2012 г., ценности делятся на базовые (предельные) и инструментальные. Так, базовые ценности представляют ядро личности, являются основным мотивом социальной активности, обеспечивают ее целостность и определяют программы и стратегии жизнедеятельности. Инструментальные ценности понимаются как социально-значимые ресурсы, которые используются индивидами в социальных практиках. В отличие от базовых ценностей, характеризующих то, что движет людьми, инструментальные ценности относятся к средствам, которые люди используют для достижения собственных целей.

«Закрепление», формирование, воспроизводство ценностных иерархий происходит в повседневном взаимодействии людей или в повседневном мире. Оказывается, что ценностная позиция проявляется в действиях индивидов и групп в возникающих проблемных жизненных ситуациях. Проблемная жизненная ситуация возникает в том случае, когда нарушается упорядоченность привычного течения жизни. Необходимость решать ту или иную проблему (или несколько проблем одновременно) требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений и, наконец, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения нужного результата. В таком случае значимость инструментальных ценностей определяется степенью включения в решение проблемных жизненных ситуаций.

Итак, социокультурная стратегия поведения определяется, с одной стороны, базовыми ценностными ориентирами. С другой стороны, сталкиваясь в повседневной жизни с различного рода проблемными жизненными ситуациями, индивид актуализирует имеющийся в его распоряжении запас капиталов (образовательный, сетевой, административный и др.), которые в той или иной степени помогают ему справиться с возникающими повседневными сложностями. В таком случае степень востребованности капитала в повседневности и определяет инструментальную значимость конкретной ценности (капитала).

Перечень базовых и инструментальных ценностей разрабатывался с учетом форм капиталов, выделенных П. Бурдьё: каждому капиталу соответствует определенный набор базовых, и инструментальных ценностей. Различные комбинации базовых и инструментальных ценностей формируют социокультурные стратегии поведения.

Эмпирическим индикатором базовых ценностей являлся список из 23 базовых ценностей (вопрос «Что для Вас в жизни является наиболее важным?», возможность выбора не более 7 альтернатив). Применение факторного анализа позволило выделить 7 факторов (главных компонент)¹, объясняющих 45,1% дисперсии:

- 1 Творческо-образовательный ценностный вектор включает следующие базовые ценности: познание, самореализация, интересная работа, профессия.
- 2 Вектор индивидуального благополучия: душевный покой, комфорт, здоровье, дети, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь.
- 3 Достиженческий ценностный вектор: общественное признание, известность, репутация; карьера, высокое положение в обществе; разнообразие, поиск нового; жизнь, полная впечатлений.

¹ Критерий выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина и критерий сферичности Бартлетта подтверждают возможность построения факторной модели.

- 4 Реализация себя как независимой личности: твердая воля; эффективность в делах; свобода, независимость в поступках, суждений; трудолюбие, продуктивность в работе.
- 5 Личностный ценностный вектор: любовь, дружба, счастливая семейная жизнь.
- 6 Духовная ориентация жизни: вера, жизненная мудрость.
- 7 Властно-материальный ценностный вектор: богатство, большие деньги; власть.

Эмпирическим индикатором инструментальных ценностей являлся список из 23 позиций (вопрос «Что (кто) помогает Вам справляться с жизненными проблемами?»), значимость которых респонденты оценивали по следующей шкале: «помогает во всех ситуациях», «помогает в большинстве ситуаций», «помогает только в некоторых ситуациях», «не помогает вообще», «затрудняюсь ответить».

Методом факторного анализа было выделено 4 фактора (главные компоненты), которые сохранили 44,35% дисперсии²:

- 1 Нравственно-образовательный ценностный вектор: образованность; профессиональные знания; свобода, независимость в принятии решений; нравственные качества; максимально полное использование своих возможностей; терпимость.
- 2 Достиженческо-правовой ценностный вектор: участие в политической жизни; творчество; обращение к закону; возможность получать любые удовольствия.
- 3 Корыстный ценностный вектор: деньги; нужные связи; занимаемая должность; личный авторитет; хорошие верные друзья.
- 4 Семейно-духовный ценностный вектор: дети; семья; духовная близость с любимым человеком; вера в Бога.

Применив к факторам базовых и инструментальных ценностей кластерный многомерный статистический анализ (метод k-means), мы получили четыре социокультурные стратегии поведения, характеризующиеся различными комбинациями базовых и инструментальных ценностей. Данная типология создана в аналитических целях и, возможно, в «чистом» виде не существует в реальности, однако отражает основные тенденции, происходящие в социокультурном пространстве белорусского общества. Рассмотрим подробнее полученные типы социокультурных стратегий поведения.

- 1 Анализ базовых и инструментальных приоритетов первой кластерной группы дает основание охарактеризовать ее как гедонистически-достиженческую социокультурную стратегию поведения.
- 2 Вторая социокультурная стратегия поведения характеризуется как нравственно-религиозная.
- 3 Третья кластерная группа отличается жизненно-прагматической социокультурной стратегией поведения.

² Оценка степени применимости факторного анализа к выборке (критерий адекватности Кайзера-Мейера-Олкина) и то, насколько сами данные исследования могут быть признаны приемлемыми для использования факторного анализа (критерий сферичности Батлера) позволяет анализировать полученную факторную модель.

- 4 Четвертая категория значительно отличается от остальных низкой значимостью как базовых, так и инструментальных ценностей. Социокультурную стратегию поведения представителей данной группы можно охарактеризовать как разочарованная.

По численности некоторое преимущество имеет жизненно-прагматическая социокультурная стратегия поведения (рис. 1).

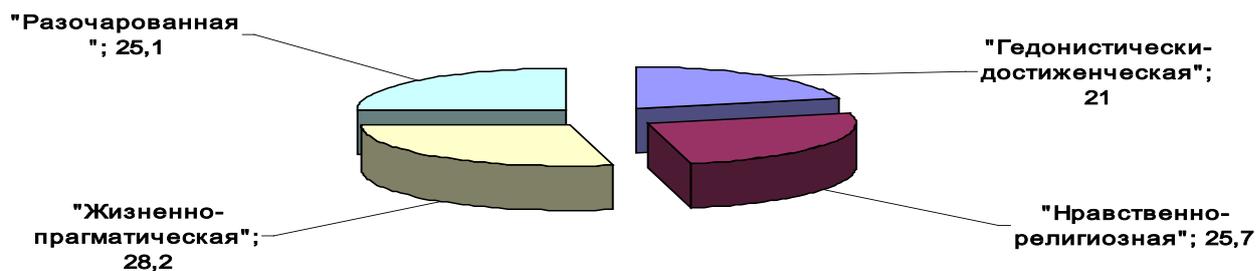

Рисунок 1 — Процентное распределение носителей различных типов социокультурных стратегий поведения

Итак, мы выделили четыре группы респондентов, различающиеся между собой базовыми и инструментальными ценностными приоритетами, а также их сочетанием: гедонистически-достиженческая; нравственно-религиозная; жизненно-прагматическая и разочарованная социокультурные стратегии поведения. Обозначенные группы статистически достоверно различаются в зависимости от социально-демографических характеристик: уровня образования, возраста, семейного положения, наличия детей, гендерной принадлежности, типа населенного пункта.

В.К. Левашов

НОВАЯ ПАРАДИГМА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЛЕВАШОВ Виктор Константинович — доктор социологических наук, руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН. E-mail: levachov@mail.ru

Неоконсервативная модель развития, связанная с именами М. Тэтчер и Р. Рейгана, работавшая с 1980-х гг. и выразившаяся в бесконтрольном стимулировании потребительского спроса и расходов со стороны государства на пути к «народному капитализму», привела в 2008 г. к глобальному экономическому кризису и частичному разрушению мировой финансовой системы. Бывший министр финансов США Г. Полсон и его команда сумели ценой экстренного вмешательства государства и частичной национализации спасти банковскую систему США и мировую финансовую систему от полного развала и наступления мирового экономического хаоса¹. **Теоретическая модель и практика неолиберализма, на которые сделали ставку российские младореформаторы 1990-х гг., показали свои ограниченные возможности и неспособность соответствовать потребностям динамично развивающейся глобальной экономики, мировой цивилизации и всей системе жизнеустройства планеты.** В последнее время перед нами все больше свидетельств медленного наступления общественного момента истины — признаваемого большинством граждан, политиков и ученых консенсуса мнений о картине новой социальной реальности.

Сложившаяся к концу XX — началу XXI веков система единого мирового хозяйства и взаимосвязанных мировых рынков, экономическая интеграция Китая, России, Центральной и Восточной Европы стали существенно определять характер развития мировой цивилизации как в целом, так и в локальных частях. Динамичным трендом этого развития стало формирование глобального экономического общества с единым рынком труда, материальных и интеллектуальных ресурсов, капитала. Новая глобальная социальная ситуация привела к масштабным перемещениям больших этнических групп населения. Формирование глобального политического и социального универсума идет вслед за экономическим развитием и отражает его особенности в институциональной структуре со всеми противоречиями и борьбой интересов становления. **Мировой экономический кризис потребовал вмешательства государства в качестве регулятора, выполняющего функцию социализации финансового капитала.**

Основной сущностной характеристикой глобального экономического общества является массовый характер потребления материальных благ. Господствующий на планете способ жизнедеятельности массового материального производства и потребления привел к началу процессов деградации биосферы. Антропогенное воздействие в его современных масштабах и способах оказалось губительным для биологических основ жизни на планете. Человек экономический в своей деятельности вошел в противоречие с человеком биосферным. Ценности и стандарты общества массового потребления призваны публично

¹ Всего Федеральной резервной системой США под нулевой процент выдано финансовым институтам и государствам 16 трлн безвозвратных кредитов. Россия потратила на стабилизацию финансовой системы до четверти своих золотовалютных резервов.

поддерживать легитимность максимализации прибыли, которая обеспечивается инновациями экономического роста и роста потребления ресурсов. **Безудержный и безграничный экономический рост ведет к деградации биосферы, материальной деградации современного общества и, как следствие, к духовной деградации общества, которая вновь воспроизводит ценности массового потребления.**

Генеральной тенденцией жизни формирующегося глобального общества стала массовость гражданских процессов. Тенденция, выделенная Ортега-и-Гассетом в начале 1920-х гг. и названная им «восстание масс», приобрела тотальный характер как в индустриальных, так и в постиндустриальных обществах [1, с. 17]. Отмена визовых и таможенных ограничений, интенсификация межкультурного обмена ускорили процесс формирования глобального гражданского общества. Просвещение и образование широких слоев населения в развитых и развивающихся странах, НТР, взрывное развитие Интернет-технологий и других средств массовых коммуникаций и информации, а также революция собственности, доходов и управляющих привели к формированию массового среднего класса, который стал основной социальной движущей силой современного развитого гражданского общества. Современный город и общество способствуют формированию гражданина и малых социальных общностей особого типа. Вовлеченные в сферу интеллектуального труда и информационных услуг, эти новые социальные субъекты технологически контролируют в развивающемся обществе знаний колоссальный креативный и деструктивный потенциал. Особая роль нового массового среднего класса накладывает на него особую социальную ответственность. **Попытки материальной и духовной дискредитации среднего класса в создавшихся условиях могут превратить его в главный революционный класс современности, привести к масштабным социальным потрясениям и катастрофам.** Средний класс становится не только основной производительной силой, но и центральным социальным звеном в системе отношений общества и государства.

Общепринятая точка зрения о том, что средний класс стабилизирует, цементирует социальную структуру общества, делает государство устойчивым начала уже в какой раз под напором реальных фактов подвергаться сомнению в конце XX века. В 2007 г. Министерство обороны Великобритании совместно со своими аффилированными научными аналитическими структурами опубликовали очередной доклад о глобальных тенденциях развития [3]. В разделе стратегических угроз (shocks) социальной сферы обозначена и названа новая угроза, которая, по мнению ученых, в силу нелинейного характера развития современного общества может внезапно возникнуть в будущем — появление нового революционного класса — пролетариата среднего класса (the middle class proletariat). Глобализация мировых рынков труда и свертывание масштабных национальных социальных программ и программ борьбы с безработицей приводит к глобальной мобильности рабочей силы и созданию в развитых странах социальных противоречий нового типа. В развитых странах Запада и в том числе в России возникли и углубляются две социальные пропасти: между средним классом и новыми сверхбогатыми и средним классом и новыми бедными — выходцами из развивающихся и бедных стран. Современный средний класс ускоренно пополняется и изменяет свою структуру за счет **нового пролетариата цифровой эпохи**, который включает работников сферы духовного производства (cognitariat, Д. Белл): науки и НИОКР, сферы образования, СМИ и коммуникаций, в том числе информационных сетей и услуг, маркетинга, рекламы, шоу-бизнеса, кинематографа, индустрии развлечений (soulariat). Цифровой пролетариат

включает операторов и программистов ЭВМ, специалистов обработки и анализа информации (cybertariat). Весь этот многочисленный класс образованных и квалифицированных работников, значительная часть которого изначально структурирована и организована информационными сетями, разочаровался в практике современной меритократии. Он увидел, что политика и социальная политика, проводимые от лица сверхбогачей, оказалась социально неэффективной и приводит к деградации и неустойчивому режиму развития общества. **Средний класс раздражен вызывающей роскошью сверхбогачей, массовым упадком нравов и видит в этих явлениях угрозу своему будущему.** «The middle classes could become a revolutionary class, taking the role envisaged for the proletariat by Marx»² [3, p. 80]. Сделанное британскими военными аналитиками заключение нельзя отнести к разряду двусмысленных. Подобные предположения в разных формах высказывались в научных экспертных кругах и раньше. Американский исследователь Кристофер Лэш в своей книге «Восстание элит и предательство демократии» показывает, как под напором цинизма безграничного обогащения разрушаются системы общественных ценностей и происходит деформация и истончение среднего класса: **«Кризис среднего класса, а не просто растущая пропасть между богатством и нищетой — вот на чем требуется сделать ударение при трезвом анализе наших перспектив»** [2, с. 28]. По всей вероятности по мере развития общества знания в развитых странах, проявления его социальных контуров и принципиальных характеристик, концепция **интеллектуального пролетариата** стала приобретать черты неизбежной реальности.

Очевидно, что потенциал среднего класса коррелирует с интеллектуальным потенциалом общества, уровень которого в современных развитых странах указывает на степень зрелости и готовности к изменению социально-политических отношений. Здесь уместно вспомнить максиму В.И. Ленина: «Неграмотный человек стоит вне политики». **Социально-политические практики последних лет показывают, как образованный депривированный гражданин в условиях распространения массовых информационных коммуникаций очень быстро становится homo politicus.** Появление армии хакеров в различных странах, в разных частях Интернета сигнализирует о том, что луддиты — техноинтеллектуалы XXI века уже взялись за работу. Сегодня они являются высококлассными специалистами и непрерывно самообучаются, с тем чтобы соответствовать развитию и возможностям глобальных коммуникационных технологий. Вопрос времени, когда они сумеют организовать в сети и вне ее, для того чтобы войти в практическую политику с вечными по форме, но новыми по сути требованиями свободы, демократии и социальной справедливости цифровой эпохи.

Глобальность и многообразие нового социального мира требуют нового парадигмального подхода. **Новая проблемная ситуация не может быть научно осознана в границах традиционных социологических парадигм: консенсусной или конфликтной.** В конкретный момент развития современного так называемого турбулентного мира в единстве его биологической, социальной, экономической и других видов жизнедеятельности новую парадигму можно охарактеризовать как интегральную. Происходит научное осознание границ и существа новой социальной проблематики и ее исследовательских возможностей. В определенном смысле в новом критическом мире идет

² Средние классы могут стать классом революционным, взяв на себя роль, которую Маркс предписывал пролетариату.

переход от научного императива «знание — сила» к императиву «знание — возможность действия». Становление общества массового научного знания происходит в процессе отхода от моделей, стандартов или мотивов общества массового потребления к рациональным практикам устойчивого развития. **Новая социологическая парадигма возникает как осознание проблематики, создания метода познания и практики в новой социальной реальности в единстве интересов и потребностей человека, общества и природы.**

Одновременно с научным осмыслением и освоением интегральной научной парадигмы происходит **формирование политической культуры общества массового научного знания.** Мы наблюдаем диалектическое развитие, переход от материальной и духовной культуры господства, конкуренции и насилия к культуре согласования, кооперации и синергии в системе «человек–общество–природа». Качество политической культуры изменяется по мере расширения демократии меньшинства, перехода к демократии большинства. Материальной технологической основой этого процесса является переход от элитарной к массовой политической коммуникации. В свою очередь, новый тип коммуникации возникает как сочетание вертикали и горизонтали власти в сетевой демократии. Одновременно происходит замещение представительной демократии демократией массового прямого политического участия. Научная адекватность и оптимизация государственной власти достигаются департизацией и децентрализацией.

Литература:

- 1 Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс. — М.: АСТ, 2008.
- 2 Лэш Кристофер. Восстание элит и предательство демократии. — М.: Логос–Прогресс, 2002.
- 3 The DCDC Global Strategic Trends Programme, 2007–2036
http://www.prisonplanet.com/articles/april2007/strat_trends_23jan07.pdf.

Л.Н. Цой

ГРУШИН О ВОЗМОЖНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО МИРА В РОССИИ

Цой Любовь Николаевна — кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета Высшая школа экономики. E-mail: tsoi-05@mail.ru

Б. Грушин входил в узкую группу исследователей, так называемых основателей теоретико-эмпирической социологии¹. Он один из первых социологов, который стал изучать общественное мнение, обнаружил механизмы формирования массового сознания в СССР на рубеже 1960–1970-х гг. («Таганрогский проект»).

Вопросы гражданского мира, конфликтов, социальной напряженности и войны были в центре внимания и изучения общественного мнения².

Первый опрос был проведен 10–14 мая 1960 г. в преддверии несостоявшегося Парижского совещания глав правительств СССР, США, Франции и Англии, всего через 2 недели после того, как на Урале был сбит американский самолет-разведчик и пленен пилот Пауэрс. Тема опроса: «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?», — была весьма актуальна, но напрямую не связана с первомайским инцидентом.

Анкета для самозаполнения включала три основных вопроса:

- *Удастся ли человечеству предотвратить войну? (Да, нет).*
- *На чем основана Ваша уверенность?*
- *Что должно быть сделано прежде всего для укрепления мира?*

Результаты изучения общественного мнения становились достоянием всего мирового сообщества, обсуждались не только на самых верхних этажах власти, но и простыми гражданами в СССР. Осознавшие реальное положение в стране граждане становились опасными для власти. Усиливалась напряженность между наукой и властью. Все острее обозначались незаинтересованность органов управления в объективной информации и их настороженность в отношении к выводам, даже мало-мальски отклонявшимся от императивов набиравшего силу социального мифотворчества. Стали проявляться признаки застоя, и в 1967 г. финансирование изучения общественного мнения прекратилось. Наступила эпоха застоя.

24 июня 1994 г. в передаче по радио «Свобода» Б.А. Грушин задал аудитории несколько вопросов³:

- *Возможен ли гражданский мир в России?*
- *Возможна ли гражданская война?*
- *Как охарактеризовать российское общество?*

Сам Б. Грушин на первые два вопроса ответил отрицательно. Общее положение граждан в России к середине 1994 г. он охарактеризовал словами Гоббса «война всех против всех». Взгляд Б. Грушина не совпадал с оптимистическими оценками большинства политиков и аналитиков того времени, которые, по его мнению, выдают желаемое за действительное.

Б. Грушин дал такую характеристику опираясь на философские идеи о природе человека и функции государства Гоббса, который полагал, что естественное состояние общества — это «война всех против всех»⁴, что «природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей», что человек по природе есть некая самость, для которого другие люди представляют лишь среду его обитания, врагов или партнеров. Государство существует не от природы, смысл создания государства заключается в самосохранении и возможности насильственного преодоления конфликтов. Но это равенство людей от природы само по себе не есть благо. Наоборот, «из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами. На пути к достижению их целей... они стараются погубить или покорить друг друга». Взаимное недоверие возникает из равенства надежд на достижение целей. Гоббс выделяет три основные причины конфликта: «во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажда славы».

Но значительно раньше жил философ Аристотель, который утверждал, что «государство — продукт естественного возникновения... оно принадлежит тому, что существует по природе, человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто... живет вне государства — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря «без роду, без племени, вне законов, без очага»; такой человек по природе своей только и жаждет войны»⁵.

Почему Б. Грушин в своем ответе опирался на идеи Гоббса, а не на идеи Аристотеля? Неужели он действительно не верил в то, что граждане не способны преодолеть вражду естественного состояния? Ничего подобного. Именно вера в каждого человека и в Россию вынуждала Б. Грушина публично излагать свою позицию и доводить до широкого круга людей результаты общественного мнения. Много лет назад Б. Грушин ответил, что гражданский мир, как и гражданская война, в России невозможны. Согласно взглядам Б. Грушина реальность российской действительности состоит в том, что:

- *разрушились механизмы государственного воздействия на людей, что и приводит к так называемому естественному состоянию;*
- *в этих условиях гражданский мир невозможен, так как активные субъекты социальных преобразований имеют разные интересы, руководствуются разными системами миропонимания, ведут страну одновременно в разных направлениях;*
- *гражданская война в 1994 г. тоже невозможна, так как конфликт носит многоглавый, а не двуглавый характер. Общество рассечено множеством конфликтных линий, что не позволяет ему поляризоваться и занять позиции по разные стороны одной баррикады.*

В настоящее время в России идут сложные преобразования, конфликты пронизывают общество во всех сферах жизнедеятельности и в регионах. Именно поэтому изучение общественного мнения становится еще более актуальным, так как люди желают знать всю правду о том, что творится в их стране, они способны осмысливать ситуацию, в которой живут, извлекать уроки из собственного опыта и приходить к согласию в отношении ценностных ориентиров и выбора пути развития.

Литература:

- 1 Докторов Б. Б.А. Грушин: четыре десятилетия изучения российского общественного мнения// Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2–13.
- 2 Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. — Москва: Изд-во политической литературы, 1967.
- 3 Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. — М.:Аспект Пресс, 1996. С. 308.
- 4 Гоббс Т. Избр. соч. — М., 1991. Т. 2. С. 93–94.
- 5 Аристотель. Соч.: В 4-х тт. — М., 1984. Т. 4. С. 378–379.